

На правах рукописи

Болашенкова Екатерина Александровна

**ОБРАЗ ЭМИРА ИСМАИЛА САМАНИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ
ЭПОХЕ САМАНИДОВ (IX–X ВВ.) В ПОСТСОВЕТСКОМ
ТАДЖИКИСТАНЕ**

Специальность 5.6.4 - этнология, антропология и этнография

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2026

Диссертация выполнена в Отделе этнографии Центральной Азии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук».

Научный руководитель:

Резван Ефим Анатольевич, доктор исторических наук, руководитель Лаборатории «Международный центр исламских исследований», главный научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук» (г. Санкт-Петербург)

Официальные оппоненты:

Рейснер Марина Львовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иранской филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова» (г. Москва)

Селезнев Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН» (г. Омск)

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет»

Защита диссертации состоится «11» июня 2026 г. в 15.00 на заседании диссертационного совета 24.1.169.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2026 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Т. С. Киссер

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В современной исторической науке Таджикистана отдельное место занимает изучение эпохи Саманидов (IX–X вв.). Связанные с этой династией темы стали особенно востребованы в постсоветский период: после 1991 г. появилось большое количество работ, посвящённых ей. Во многих из них государство Саманидов со столицей в Бухаре, основанное эмиром Исмаилом (892–907 гг.) и просуществовавшее на территории Мавераннахра и Хорасана более столетия, характеризуется как эталонное, а сама эпоха именуется золотым веком.

Наследие Саманидов не только вызывает интерес у таджикских историков, выступая одним из популярных направлений исследований, но и всё чаще оказывается на слуху у жителей страны: достаточно вспомнить, что валюта, введённая в Таджикистане в 2000 г., была названа «сомони». Увековечивание Саманидов происходит на государственном уровне: имя Исмаила Самани получают улицы, населённые пункты, географические объекты. В ряде городов в его честь были возведены памятники (причём возможно уже говорить о возникновении и закреплении новой иконографии этого исторического лица).

Историческая память и процесс нациестроительства - темы, крайне актуальные для постсоветского пространства. Как и в других государствах Центрально-Азиатского региона, в сегодняшнем Таджикистане мы можем наблюдать многочисленные коммеморативные практики, связанные с образами древности и средневековья и направленные на построение национальной идентичности и национального единства (тадж. *“ваҳдати миллӣ”*). Память об эпохе Саманидов выступает одним из важных элементов этого процесса.

О современных представлениях об эпохе Саманидов можно судить как по материальным свидетельствам (экспозиции в музеях, плакаты на улицах городов, памятники, картины, логотипы), так и по нематериальным (официальные речи и статьи президента Таджикистана Эмомали Рахмона, тексты школьных учебников истории, поэтические произведения, научные и научно-популярные издания).

При этом память о прошлом в постсоветском Таджикистане проявляется как в исторической политике государства и принимаемых на высоком уровне мерах, так и в представлениях жителей страны, для которых образы эпохи Саманидов за последние три десятилетия стали неотъемлемым элементом повседневности. В своём исследовании мы попытались рассмотреть обе стороны этого явления. В связи с этим нас интересовала не

только и не столько сама эпоха Саманидов с точки зрения историка, сколько современная репрезентация эпохи Саманидов и трансформация исторической памяти, имеющие значение для антрополога.

Степень изученности проблемы. Первые десятилетия после распада СССР ознаменовались ростом интереса научного сообщества к постсоветским республикам, в том числе республикам Центральной Азии. Из русскоязычных исследований следует упомянуть прежде всего многочисленные работы С. Н. Абашина, в частности, монографию «Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности»¹.

Государства Центральной Азии начали привлекать особенное внимание не только учёных постсоветского пространства, но и западных исследователей. Немало работ, посвящённых развитию региона после 1991 г., было опубликовано в зарубежных университетах и научных журналах; публикуются также коллективные монографии².

Появились основательные попытки осмыслить процессы, связанные с этничностью, национализмом и идентичностью в Центральной Азии в период с XIX в. до постсоветских лет включительно³ и конкретно в Таджикистане в тот же временной отрезок⁴.

Значительное количество публикаций о Центральной Азии на английском языке относится, по нашим наблюдениям, к 2000-м и 2010-м годам. Тем не менее авторы большинства из этих работ концентрируются в первую очередь на вопросах политического и socioэкономического характера. В случае Таджикистана это, как правило, гражданская война 1992–1997 гг. и её последствия. В качестве примера можно привести подробные исследования⁵ и коллективные монографии⁶.

Проблематика собственно исторической памяти и конкретно памяти об эпохе Саманидов в постсоветском Таджикистане получила, как нам представляется, меньшее

¹ *Абашин С. Н.* Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007.

² *Cummings S. N. (ed.)* Symbolism and Power in Central Asia: Politics of the Spectacular. NY: Routledge, 2010. *Omeliicheva M. Y. (ed.)* Nationalism and Identity Construction in Central Asia. Dimensions, Dynamics, and Directions. Lanham, Boulder, NY, London: Lexington Books, 2015.

Van den Bosch J., Fauve A., De Cordier B. J. (eds.). The European Handbook of Central Asia Studies. History, Politics, and Societies. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2021.

³ *Roy O.* The New Central Asia: Geopolitics and the Birth of Nations. NY: NY University Press, 2007.

⁴ *Nourzhanov K., Bleuer C.* Tajikistan: A Political and Social History. Canberra: ANU E Press, 2013.

⁵ *Jonson L.* Tajikistan in the New Central Asia. Geopolitics, Great Power Rivalry and Radical Islam. London, NY: I. B. Tauris, 2009.

Олкомт М. Б. Таджикистан: Трудный путь развития. М.: Время, 2014.

⁶ *Djalili M. R., Grare F., Akiner S. (eds.)* Tajikistan: The Trials of Independence. NY: Routledge, 1998.

Heathershaw J., Herzig E. (eds.) The Transformation of Tajikistan. The Sources of Statehood. London & NY: Routledge, 2013.

отражение. В основном ей посвящались не монографии, а отдельные статьи или их части. Внимание в них сосредоточено скорее на мерах, принимаемых государством, нежели на восприятии этих мер рядовыми гражданами. Ниже будут в хронологическом порядке перечислены работы, в наибольшей степени отражающие аспекты интересующей нас темы.

К. Нуржанов⁷ (Австралия⁸) перечисляет основные (на момент написания статьи) меры, предпринятые таджикскими властями в целях увековечивания наследия Саманидов, даёт очерк некоторых появившихся в Таджикистане после 1991 г. исторических исследований и отмечает переиздания старых. Р. Шукуров⁹ (Россия) говорит о «кризисе самоидентификации» постсоветских таджиков, ищет его предпосылки в русификации и советизации, рассматривает вопрос «золотого века», подчёркивает роль языка и филологии в формировании национальной идентичности. Автор также затрагивает проблему потерянных территорий, описывает всплеск интереса к зороастризму и «арийскую ориентацию» постсоветского Таджикистана.¹⁰ П. Шозимов¹¹ (Таджикистан) пытается на примере Таджикистана показать, как именно в обществе происходит выбор тех или иных символов, связанных с прошлым. М. Ларюэль¹² (США) показывает роль археологии и антропологии в формировании образа собственного прошлого, рассматривает интерес постсоветского Таджикистана к древности, а также даёт некоторое представление о противоречиях между таджикскими и узбекскими историками. Э. Марат¹³ (Швеция/США) описывает характерные тенденции построения национальных идеологий в постсоветских реалиях, избирая в качестве *case studies* Кыргызстан и Таджикистан. Тот же автор в более детальном 100-

⁷ Nourzhanov K. The Politics of History in Tajikistan: Reinventing the Samanids // 2001. Harvard Asia Quarterly. Vol. 5, № 1. P. 21-30.

⁸ Страна, названная в скобках, указывается на основании научной аффилиации автора на момент издания работы.

⁹ Шукуров Р. Таджикистан: муки воспоминания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Изд-е 2. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2003. С. 228–251.

¹⁰ Под ариями в контексте Центральной Азии понимаются индоевропейские скотоводческие племена, населявшие евразийские степи в эпоху бронзы (III–II тыс. до н. э.), жизнь и верования которых нашли отражение в Авесте, священной книге зороастризма. «Арийская проблема» на более широком географическом и хронологическом материале рассматривалась, например, Г. М. Бонгард-Левиним и Э. А. Грантовским.

¹¹ Shozimov P. Tajikistan: Cultural Heritage and the Identity Issue // Central Asia and the Caucasus. 2004. Vol. 6, № 30. P. 144–148.

¹² Laruelle M. The Return of the Aryan Myth: Tajikistan in Search of a Secularized National Ideology // Nationalities Papers. 2007. Vol. 35, № 1. P. 51–70.

¹³ Marat E. Imagined Past, Uncertain Future. The Creation of National Ideologies in Kyrgyzstan and Tajikistan // Problems of Post-Communism. 2008. Vol. 55, № 1. P. 12-24.

страничном исследовании¹⁴ делает первую, по собственным словам, попытку изучить влияние на общество государственной идеологии на центральноазиатском материале. В случае Таджикистана автор выделяет три основных сюжета: зороастризм, арийское прошлое и культ Исмаила Самани, а также размышляет о дуализме исламского и светского в государстве. С. Горак¹⁵ (Чехия) затрагивает вопросы таджикской историографии и, по выражению автора, присущего ей «мифотворчества». Среди освещённых им вопросов - проблема исторической родины таджиков, представление о «таджикском возрождении» (*тоҷик эҳё*) во времена Саманидов и оценка результатов национально-территориального размежевания Центральной Азии 1920-х гг. Каждая из этих проблем рассмотрена через призму как работ таджикских исследователей, так и противостоящих им высказываний и концепций историков из Узбекистана. Х. Блаккисруд (Норвегия/США) и Ш. Нозимова (Кыргызстан)¹⁶ рассматривают учебники истории, появившиеся в постсоветском Таджикистане, и сравнивают их с советскими изданиями. В работе В. Федоренко¹⁷ (США) предпринята попытка дать общий очерк процесса нациестроительства во всех пяти центральноазиатских республиках с акцентом на мифологизацию исторических личностей и апелляцию к образам прошлого. Характеризуются образы эпического героя Манаса в Кыргызстане, эмира Тимура (1370–1405) - в Узбекистане и эмира Исмаила Самани - в Таджикистане, рассматривается переосмысление образа кочевника в Казахстане и роли племенной принадлежности в Туркменистане. М. Суяркулова (Великобритания), один из авторов упоминавшейся выше коллективной монографии¹⁸, анализирует явление, названное автором «столкновением дискурсов» историографий и даже «войнами историографий» Таджикистана и Узбекистана в позднесоветский и постсоветский периоды. Основные положения М. Суяркуловой были подхвачены и развиты двумя годами позднее в работе Р. Р. Хэнкса (США)¹⁹. Автор ищет корни таджикско-узбекских противоречий в

¹⁴ Marat E. National Ideology and State-building in Kyrgyzstan and Tajikistan // Silk Road Paper. January 2008. P. 1-100.

¹⁵ Horák S. In Search of the History of Tajikistan. What Are Tajik and Uzbek Historians Arguing About? // Russian Politics and Law. 2010. Vol. 48, № 5. P. 65-77.

¹⁶ Blakkisrud H., Nozimova S. History Writing and Nation Building in Post-Independence Tajikistan // Nationalities Papers. 2010. Vol. 38, № 2. P. 173–189.

¹⁷ Fedorenko V. Central Asia: From Ethnic to Civic Nationalism. Washington: Rethink Institute, 2012.

¹⁸ Suyarkulova M. Statehood as Dialogue: Conflicting Historical Narratives of Tajikistan and Uzbekistan // Heathershaw J., Herzig E. (eds). The Transformation of Tajikistan. The Sources of Statehood. London & NY: Routledge, 2013. P. 161-176.

¹⁹ Hanks R. R. Identity Theft?: Ethnosymbolism, Autochtonism, and Aryanism in Uzbek and Tajik National Narratives // Omelicheva M. Y. (ed.) Nationalism and Identity Construction in Central Asia. Dimensions, Dynamics, and Directions. Lanham, Boulder, NY, London: Lexington Books, 2015. P. 111-128.

советском прошлом, отдельно останавливается на трансформации взглядов на эмира Тимура в Узбекистане и характеризует ситуацию в целом выражением “dueling identities” («идентичности-соперники»). Х. Блакксируд (Норвегия) и Ф. Кузиев (Венгрия)²⁰ рассматривают Национальный музей Таджикистана в Душанбе (Осорхонаи миллии Тоҷикистон) в качестве одного из важных элементов нацистроительства. Авторы дают краткий экскурс истории музея в советское время, обозревают музей сегодня, а также привлекают к своим наблюдениям внушительную теоретическую базу, ссылаясь на концепции М. Хальбвакса, П. Нора, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума. В 2019 г. на таджикском языке была опубликована монография Х. Пирумшо (Таджикистан) «Государство Саманидов на весах историографии»²¹. В аннотации книга называется первой серьёзной попыткой (аввалин кӯшиши чиддӣ) анализа историографии государства Саманидов. В своём тексте автор часто использует слово *сомониёниношӣ* («саманидоведение»). В 2020 г. на персидском языке была опубликована статья специалиста по истории Саманидов Дж. Херави²² (Иран) «Анализ подхода современных таджикских историков к государству Саманидов». Иранский автор достаточно внимательно исследует постсоветские публикации таджикских учёных о Саманидах, определяя эту тематику для себя как «былое общее наследие и историю». Говоря о сегодняшней историографии, он использует выражение *сәмәнипӯҷӯхӣ* («саманидоведение») и выделяет ряд его особенностей.

Что касается непосредственно истории государства Саманидов, мы ориентировались на двухтомную антологию средневековых персо- и арабоязычных источников в переводе на таджикский язык - “Сомониён дар оинаи таърих” («Саманиды в зеркале истории»), а также некоторые источники в русском переводе (“Сиасэт-намэ”, “Кабус-наме”, «История Бухары»), соответствующие разделы The Encyclopaedia of Islam, The Cambridge History of Iran, Encyclopaedia Iranica, работы К. Э. Босворта, Р. Фрая, В. В. Бартольда, В. Л. Тредвелла, Й. Пауля, Д. Тор, труды таджикских историков Б. Г. Гафурова и Н. Н. Негматова. Интересным представляется и сравнение изданной в постсоветском Таджикистане в 1999 г. «Истории таджикского народа» под редакцией Н. Н. Негматова (отв. ред. Р. М. Масов) и изданной в СССР в 1964 г. «Истории таджикского

²⁰ Blakkisrud H., Kuziev F. Museums, Memory and Meaning-Creation: (Re)constructing the Tajik Nation // Nations and Nationalism. 2019. Vol. 25, № 3. P. 997-1017.

²¹ Пирумшо Х. Давлати Сомониён дар тарозуи таърихнигорӣ. Душанбе: Дониш, 2019.

²² Херави Дж. Вākāvī-йи рӯйкард-и тārīхпӯҷӯхāн-и му’āсер-и Тāджикистāн ба ҳукӯмат-и Сāmāнийāн // Historical Perspective & Historiography. 2020. Vol. 29, № 24. P. 257–279.

народа» под редакцией Б. Г. Гафурова и А. М. Беленицкого. Также мы воспользовались персоязычными работами Дж. Херави.

Литературная жизнь эпохи Саманидов рассматривалась в работах таких авторов как Е. Э. Бертельс, С. Нафиси, И. С. Брагинский, М.-Н. О. Османов, А. М. Мирзоев, А. Т. Тагирджанов, О. Ф. Акимушкин, Р. Хади-заде, Ф. И. Абдуллаева, А. Тамимдари, М. Л. Рейснер и А. И. Ардашникова.

Общие проблемы исторической памяти и её связи с идентичностью, социальными проблемами или сферой политического, без привязки к Таджикистану, рассматривались в работах ряда исследователей, среди которых М. Хальбвакс, П. Нора, Я. Ассман, А. Ассман, Дж. Фридман, Б. Зелизер, Дж. К. Олик и Дж. Роббинс, Т. Кузио, В. Канштайнер, Б. А. Мишталь, П. Х. Хаттон, П. Рикёр, А. Эрлл, М. Хирш, Ж. Ле Гофф, Л. П. Репина, А. Г. Васильев, В. А. Шнирельман, А. И. Миллер, Е. А. Ростовцев и Д. А. Сосницкий, Ю. А. Сафронова, А. А. Нечаева, А. Ф. Павловский и другие.

Проблемы этничности, нации и национализма (которые тесно связаны с исторической памятью и потому представляются не менее важными для исследования) рассматривались в работах Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера, Р. Брубейкера, Н. Г. Скворцова, В. А. Тишкова и других авторов. Вопросам антропологии власти посвящены многочисленные исследования В. В. Бочарова.

Особенно значимыми для теоретической базы работы являются концепции британского исторического социолога Энтони Д. Смита (Anthony D. Smith, 1939–2016), сторонника этносимволистского подхода к феноменам нации и национализма.

Объектом исследования является историческая политика постсоветского Таджикистана и её роль в процессе нациестроительства.

Предметом исследования выступают личности, события и реалии эпохи Саманидов, популяризируемые в постсоветском Таджикистане на государственном уровне и обретающие новые смыслы в картине мира его жителей.

Цель и задачи исследования. Цель исследования - выявить характерные для постсоветского Таджикистана представления об эпохе Саманидов, объяснить их происхождение и определить их роль в таджикском обществе. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

- 1) Выявление и критический анализ письменных источников на таджикском и русском языках;
- 2) Сбор полевых материалов: наблюдение, проведение интервью и письменных

опросов с участием жителей Таджикистана;

- 3) Выявление и фотофиксация изображений и материальных объектов, отсылающих к образам эпохи Саманидов, в повседневной жизни граждан Таджикистана;
- 4) Выявление основных тенденций в официальном дискурсе Таджикистана, связанном с государством Саманидов;
- 5) Выявление основных тенденций в изображении (в том числе художественном) эмира Исмаила Самани (892–907 гг.);
- 6) Осмысление роли этих образов в жизни современного Таджикистана и его жителей.

Географические и хронологические рамки исследования. Исследование охватывает территорию Республики Таджикистан с 1991 г. по настоящее время.

Научная новизна. Несмотря на многочисленность исследований, посвящённых постсоветской Центральной Азии, проблемы собственно исторической памяти в Таджикистане рассматриваются нечасто, а существующие работы почти не привлекают материал на таджикском языке. Кроме того, эти работы чаще всего оценивают официальный государственный дискурс с позиции историка и в гораздо меньшей степени затрагивают его восприятие простыми гражданами с позиции антрополога (например, через интервью с информантами). Новизна работы состоит в привлечении некоторых ранее не рассматривавшихся таджикских источников, а также комплексности подхода к проблеме и, таким образом, восполнении данного пробела в историографии.

В работе использован ряд не переводившихся ранее на русский язык таджикоязычных источников по рассматриваемой теме (например, поэтические сборники “Ҳафт сипехр” А. Сайфуллоева и “Эъҷози Раҳмон” коллектива из 148 авторов, тексты выступлений президента Эмомали Рахмона на таджикском языке, учебники истории, изданные в постсоветском Таджикистане, новые монографии о Саманидах). Также в научный оборот вводятся материалы, собранные автором в ходе полевых исследований. Полевой материал собирался на протяжении более чем десяти лет как путём трёх поездок в Республику Таджикистан, так и онлайн, с применением методов киберэтнографии. В результате исследований был собран как корпус бесед с информантами (в письменной и аудио-форме), так и фотоархив.

Совокупность полученных материалов была рассмотрена через призму этносимволистского подхода к проблемам идентичности. Основоположник

этносимволизма Энтони Д. Смит иллюстрировал свои рассуждения преимущественно примерами из древней, средневековой, новой и новейшей истории стран Западной Европы и Северной Америки, тогда как примеры из других регионов в его текстах крайне редки. При этом, на наш взгляд, концепции Э. Смита достаточно точно описывают ситуацию в государствах постсоветской Центральной Азии и во многом применимы к ней. В связи с этим в работе впервые делается попытка объединить две эти сферы и рассмотреть случай Таджикистана в категориях этносимволизма.

Источниковая база исследования. В работе были использованы источники трёх основных типов.

1. Письменные источники. К ним относятся:

а) Тексты официальных выступлений и статей президента республики Эмомали Рахмона на таджикском языке (“Давлатдории тоҷикон: аз Сомониён то оғози асри XXI. Суханронӣ бахшида ба иди истиқлол ва 1100-солагии давлати Сомониён”, “Давраи тиллоии тоҷикон. Суханронӣ дар конфронси байнхалқии илмӣ бахшида ба 1100-солагии давлати Сомониён”, “Суханронӣ ба ифтихори гузоштани ҳайкали Исмоили Сомонӣ дар шаҳри Хучанд”, “Суханронӣ дар ҷамъомади ботантана ба муносибати ифтитоҳи мучтамаи меъморӣ ба ифтихори 1100-солагии давлати Сомониён ва мучассамаи амир Исмоили Сомонӣ”, “Ҳазор соли як умр. Андешаҳо дар хошияи ҷашни 1100-солагии давлати Сомониён”), книга президента Таджикистана “Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён” («Таджики в зеркале истории. От арийцев до Саманидов»), а также некоторые тексты Э. Рахмона на русском языке.

б) Стихи современных таджикских поэтов (сборники “Ҳафт сипехр” А. Сайфуллоева и “Эъҷози Раҳмон” коллектива из 148 авторов);

в) Научные публикации историков, приуроченные к 1100-летию государства Саманидов (Абдуллоев С. “Амир Исмоили Сомонӣ”; Мухторов А. “Амирон ва вазирони Сомонӣ”; Нейматов Н. “Давлати тоҷикбунёди Сомониён” и др.);

г) Школьные учебники отечественной и всемирной истории, изданные в Таджикистане после 2000 г. (Яъқубов Ю. “Таърихи қадими халқи тоҷик (замони ориёӣҳо). Китоби дарсӣ барои синфи 5”; Яъқубшоҳ Ю. “Таърихи халқи тоҷик (ибтидои асрҳои миёна). Китоби дарсӣ барои синфи 6”; Зиёзода Т. Н., Шарифов Р. Я. “Таърихи умумӣ: Таърихи асрҳои миёна. Китоби дарсӣ барои синфи 6-уми макотиби таҳсилоти умумӣ”; Хоҷаев С. “Таърихи халқи тоҷик, китоби дарсӣ барои синфи 7-ум”);

д) Учебник, предназначенный для студентов ВУЗов (Ҳотамов Н., Довудӣ Д.,

Муллоҷонов С., Исоматов М. “Таърихи халқи тоҷик (Китоби дарсӣ барои ихтисосҳои ғайритаърихи мактабҳои олии Ҷумҳурии Тоҷикистон)”).

2. Материальные источники. К этому типу источников относятся: посвящённые Саманидам экспозиции в музеях Таджикистана (рассмотрены случаи Душанбе, Пенджикента и Панджруда); банкноты и монеты введённой в Таджикистане новой валюты - сомони; памятники эмиру Исмаилу Самани; его изображения на картинах художников, плакатах на улицах городов, логотипах, товарах. В работе использовались фото из личного архива автора, сделанные в течение трёх полевых сезонов (2014, 2015 и 2016 г.) в Таджикистане, и интернет-ресурсы (например, веб-сайт Национального банка Таджикистана).

3. Полевые материалы. К этому типу источников относятся сообщения информантов, полученные в ходе устных интервью в Таджикистане, письменных опросов в Таджикистане и онлайн, изучения интернет-пространства, а также наблюдения автора. Сообщения информантов, безусловно, не могут претендовать на полноту картины в связи с ограниченностью выборки. Они служат скорее дополнительной иллюстрацией к излагаемому материалу. Части работы, основанные на методах интервью, анкетирования и изучения интернет-контента, представляют собой в большей степени *case studies*, нежели всесторонний анализ, имеющий своей целью уверенные научные обобщения. Тем не менее полученные данные позволили сделать некоторые выводы и подкрепить имевшиеся ранее предположения.

Сбор полевого материала начался в 2014 г. в Таджикистане. Исследование проводилось в городах Пенджикент, Душанбе и Худжанд, а также сёлах Панджруд и Суджина. Некоторые из информантов дали развёрнутое устное интервью на русском языке, другие ответили на вопросы в письменном виде на русском либо таджикском языке. Среди заданных информантам вопросов были как субъективные (касающиеся самих опрашиваемых и их жизненного опыта), так и проективные (вопросы о третьих лицах, обобщённые, отвлечённые вопросы). В последнем случае информант как бы выступает экспертом, а формулировка вопроса показывает, что наша цель - позволить ему, как знатоку ситуации, высказать своё мнение. Примеры вопросов первого типа: «Самое необычное/курьёзное/запоминающееся место, где Вы встречали имя или изображение Исмаила Самани?», «Каково Ваше отношение к названию национальной валюты - “сомони” и изображению на ней эмира Исмаила?». Примеры вопросов второго типа: «Кому уделяется особенное внимание на уроках истории в школах

Таджикистана?», «Насколько успешным, по Вашим впечатлениям, стал проект “Ворисони Сомонӣ”?».

В работе также использовались подходы киберэтнографии. Мы продолжили исследования в интернет-пространстве, изучая высказывания таджикских пользователей соцсетей «ВКонтакте» (VK) и YouTube. В частности, были изучены группы, сообщества и публичные страницы «ВКонтакте», в которых происходят актуальные для темы исследования обсуждения: «Таджикистан - Моя Родина | Tajikistan» (131 тыс. подписчиков), «Tajikistan | Таджикистан» (114 тыс. подписчиков), «Tajikistan | Политика, История, Религия: Таджикистан» (92 тыс. подписчиков), «Ишки ман ТҶК» (36 тыс. подписчиков), «Подслушано в Худжанде» (27 тыс. подписчиков), «Подслушано | Исфара» (16 тыс. подписчиков). На платформе YouTube особенно интересным для изучаемой темы стал канал режиссёра Дилова Сафарова «Dfilm tj» (687 тыс. подписчиков), в настоящее время работающего над художественным фильмом об Исмаиле Самани и в своих видео интересующегося осведомлённостью публики об этой исторической фигуре и отношением к ней.

В 2024–2025 гг. мы вернулись к методам анкетирования и собрали определённый объём свежих данных, предложив изначальную анкету с некоторыми дополнительными вопросами новому поколению информантов. На этот раз анкетирование проводилось онлайн с помощью Google-формы (ссылка на неё представлена в списке полевых материалов в конце диссертации). Таким образом нам удалось рассмотреть явление в динамике, охватывающей более десяти лет. Полученный материал продемонстрировал наглядные изменения и рост новых тенденций в обществе.

В ходе трёх поездок в Таджикистан нам удалось собрать архив фотографий, связанных с темой исследования, посетить библиотеку Таджикского педагогического института в городе Пенджикент, а также музеи в Душанбе, Пенджикенте и Панджруде.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость работы состоит в комплексном подходе к теме исследования и привлечении источников разных типов. Рассматриваемые в работе проблемы относятся к таким областям, как memory studies (исследования памяти), исследования идентичности, исследования процессов нациестроительства.

Всплеск интереса к проблемам памяти и возникновение memory studies как самостоятельной дисциплины принято относить к 1980–1990-м гг. (времени так называемого «мемориального бума»). Однако основы изучения памяти были заложены

ещё в 1920–1930-х гг. М. Хальбваксом – представителем французской социологической школы и учеником Э. Дюркгейма. Именно М. Хальбваксом впервые было введено понятие «коллективная память». Последующие поколения учёных предложили большое количество альтернативных терминов, наиболее популярными из которых являются, вероятно, “cultural memory” («культурная память») и “social memory” («социальная память»). Встречаются также варианты “collective remembrance” («коллективная память») и “popular history making” («народная история»). Как правило, каждый исследователь делает выбор в пользу того или иного термина, подкрепляя его собственной аргументацией.

В 1980-1990-е гг. понятия «коллективная память», «культурная память» и т. п. проникли из академической сферы в мир политики, СМИ и искусства, из узкоспециализированных терминов превратились в популярные и широко используемые выражения. Среди работ, появившихся в эти годы и далее, следует назвать прежде всего труды Я. Ассмана и А. Ассман, а также П. Нора. Последнему принадлежит определение нашей эпохи как «эры коммеморации».

Тогда же вошло в оборот понятие memory studies. В 1995 г. была опубликована статья Б. Зелизер “Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies” («Читая прошлое против шерсти: очертания memory studies»), не утратившая своей актуальности и сегодня. С 2008 г. с периодичностью шесть выпусков в год выходит международный англоязычный журнал “Memory Studies”. В 2016 г. в Нидерландах была создана Ассоциация memory studies - “The Memory Studies Association”.

В отечественной науке широкий интерес к вопросам памяти возник несколько позже, чем в зарубежной. Тем не менее в последние годы появляется всё больше российских работ, связанных с этой темой. Среди них стоит отметить многочисленные публикации Л. П. Репиной и Ю. А. Сафроновой. Обе исследовательницы оперируют понятием «историческая память», которого в данной работе предпочитаем придерживаться и мы.

Кроме того, в современную науку стремительно входит понятие digital memory studies. Исследователи памяти активно привлекают материалы интернета и социальных сетей и говорят о цифровом повороте в этой дисциплине.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения её материалов при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по новейшей истории Центральной Азии и/или культурной антропологии Центральной Азии.

В ходе работы над диссертацией был разработан спецкурс «Центральная Азия в эпоху Саманидов (IX–X вв.)» для студентов 4-го курса образовательной программы «История Центральной Азии» Восточного факультета СПбГУ (читался автором в 2020 и 2022 г.).

Материалы диссертации использовались автором в ходе выступлений на научных семинарах кафедры Центральной Азии и Кавказа СПбГУ. Полученные результаты также могут послужить основой для дальнейших исследований в данной области.

Методологическая основа исследования. В ходе работы использовались методы источниковедения (выявление, перевод и критический анализ источников на таджикском языке с привлечением литературы на русском, английском, таджикском и персидском языках), этнографии и культурной антропологии (полевые методы: наблюдение, глубинное интервью, анкетирование, фотофиксация), киберэтнографии (интернет-коммуникация, анализ сетевого дискурса).

Материалы собирались как непосредственно в Республике Таджикистан (общение с информантами, посещение библиотек и музеев), так и дистанционно (распространение опросника и коммуникация с информантами онлайн; мониторинг групп, сообществ и публичных страниц в социальных сетях «ВКонтакте» (VK) и YouTube; анализ интернет-контента по теме исследования на таджикском и русском языках).

Несмотря на то, что предметное поле *memory studies* постоянно расширяется и даже порой кажется неограниченным, а подходы *memory studies* применяются в наши дни к социальным группам и общностям разных типов, изначально исследования памяти были сосредоточены прежде всего на проблемах нации и национальной идентичности. Именно поэтому государства, обретшие независимость относительно недавно, представляют для данной научной области естественный интерес.

Историческая политика и память представляют собой важнейшие элементы нациестроительства. Нациестроительство, то есть совокупность общественных, культурных и политических процессов, формирующих у населения конкретного государства общую идентичность, не в последнюю очередь включает в себя создание и укрепление среди населения определённой памяти об общей истории. Рост интереса к эпохе Саманидов в постсоветском Таджикистане также тесно связан с исторической политикой страны. В связи с этим случай Таджикистана, в котором подобные процессы активно разворачиваются в течение последних трёх десятилетий, безусловно, заслуживает внимания.

В работе используется новый подход, рассматривающий эмпирический материал постсоветского Таджикистана через оптику теоретических идей этносимволизма Энтони Д. Смита. На материале Таджикистана мы находим подтверждение ряду концепций Э. Д. Смита, созданных им в ходе изучения других стран и обществ («этнические мифы», «золотой век», «герои», «священные территории», «возрождение»), и таким образом вписываем наш эмпирический материал в более широкий контекст этносимволистских идей.

Положения, выносимые на защиту.

1. Для официального дискурса в современном Таджикистане характерно возросшее внимание к иранской мифологии, археологии, доисламской культуре и зороастризму, переплетение в повествовании исторического и легендарного. Саманидские правители видятся продолжателями скорее местной, нежели общемуусульманской традиции, а государство Саманидов позиционируется как первое национальное государство таджиков.

2. Между советскими и постсоветскими научными изданиями о Саманидах существуют заметные различия. Повествование в современных работах становится менее нейтральным стилистически и более торжественным, а рассмотренные проблемы приближаются к области историософии.

3. Некоторые из черт, придаваемых сегодня эмиру Исмаилу Самани, восходят к средневековым источникам (великодушие, милосердие), тогда как другие имеют современное происхождение (светские взгляды, отсутствие ярко выраженной религиозности).

4. Налицо трансформация канона в художественном изображении эмира Исмаила Самани в живописи и скульптуре: образ воина, имевший место в советские годы, вытесняется образом рачительного и заботливого хозяина (*кадхудо*). Оба образа являются поздней реконструкцией.

5. Характеризуя времена эмира Исмаила как эпоху покоя, авторы, сознательно или неосознанно, продолжают развивать гораздо более древний взгляд на идеального иранского правителя, восходящий ещё к Авесте.

6. Существует ряд исторических фигур и персонажей помимо Исмаила Самани, популярных сегодня у жителей Таджикистана. В выборе этих фигур информантами прослеживаются региональные и возрастные закономерности.

7. В таджикском обществе сегодня может существовать более одной

определяющей тенденции. Несмотря на ярко выраженный секулярный характер рассмотренной исторической политики и её заметные успехи, важную роль в жизни большей части граждан продолжает играть мусульманская идентичность.

Апробация и степень достоверности исследования. Основные положения работы были представлены в докладах на международных научных конференциях, в том числе Международном научном Конгрессе по источниковедению и историографии стран Азии и Африки (Восточный факультет СПбГУ), Лавровских (среднеазиатско-кавказских) чтениях (МАЭ РАН), конференции «Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа» (РАНХиГС), конференции «Исторические нарративы и коммеморативные практики в этническом и национальном измерении» (Институт истории СПбГУ), Санкт-Петербургском конгрессе исследователей международных отношений «Глобальные и региональные вызовы в меняющемся мире» (Факультет Международных отношений СПбГУ), а также в ряде опубликованных научных статей и тезисов на русском и английском языках (в том числе в журналах “Manuscripta Orientalia”, «Кунсткамера», «Исторический бюллетень»).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, разделённых на тематические разделы, заключения, списка источников и литературы и двух приложений (списка информантов и иллюстраций).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *Введении* дана общая характеристика работы: обоснована актуальность темы исследования, очерчена степень изученности проблемы, определены предмет и объект исследования, сформулированы его цели и задачи, названы его географические и хронологические рамки, аргументирована научная новизна, охарактеризована источниковая база, аргументированы теоретическая и практическая значимость исследования, изложена методологическая основа исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации и степени достоверности работы, описана её структура.

Глава 1 «“Золотой век” и национальные герои: историческая память и актуальность memory studies в постсоветском Таджикистане» состоит из пяти разделов.

Раздел 1.1 представляет собой краткий очерк истории исследования памяти в рамках гуманитарных наук, а также становления такой относительно молодой

дисциплины как memory studies.

В *Разделе 1.2* показывается сложность и многообразие форм идентичности у населения, проживавшего на территории современного Таджикистана в дореволюционное, советское и раннее постсоветское время. Таким образом, очерчивается тот фон, на котором будет развиваться процесс нациестроительства, представляющий интерес для настоящего исследования. Здесь же раскрываются некоторые понятия этносимволизма, используемые в сочинениях Энтони Д. Смита, и показывается, как они могут быть применимы к современному Таджикистану. Наконец, предлагается несколько возможных причин всплеска интереса к Саманидам в сегодняшнем Таджикистане.

Раздел 1.3 посвящён персоне эмира Исмаила Самани. В нём анализируются коммеморативные практики, связанные с этой фигурой (возведение памятников, переименование населённых пунктов, учреждение наград и премий его имени и т. п.), а также приводятся примеры реакции населения на эти меры.

Раздел 1.4 посвящён городам Самарканду и Бухаре как примерам «священных территорий» по Э. Смиуту. Отдельно рассматривается мавзолей Саманидов в Бухаре.

В *Разделе 1.5* подводятся итоги главы и показывается перспективность подходов memory studies к изучению постсоветского Таджикистана.

Глава 2 «Образы эпохи Саманидов как элемент культурной политики постсоветского Таджикистана» состоит из трёх разделов.

Раздел 2.1 посвящён эпохе и государству Саманидов в представлениях современной таджикской власти. Для этого были изучены пять текстов на таджикском языке: речь президента республики Эмомали Рахмона, приуроченная к празднованию 1100-летия государства Саманидов («Государственность таджиков: от эпохи Саманидов до начала XXI в.», 1999 г.); речь, произнесённая на международной конференции по тому же поводу («Золотой век таджиков», 1999 г.); последовавшая в том же году статья с размышлениями о таджикской истории для прессы («Тысяча лет и одна жизнь. Размышления в рамках празднования 1100-летия государства Саманидов»); речи на торжественном открытии архитектурного комплекса и памятника эмиру Исмаилу Самани в Душанбе (1999 г.) и открытии памятника ему же в Худжанде (2001 г.). Кроме того, были рассмотрены некоторые тексты Э. Рахмона на русском языке, а также его книга «Таджики в зеркале истории. От арийцев до Саманидов» («Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён»).

В *Разделе 2.2* изучены отсылки к эпохе Саманидов в текстах современных таджикских поэтов. Для этого был проанализирован поэтический сборник “Ҳафт сипеҳр” («Семь небесных сфер» или «Семь судеб») А. Сайфуллоева (1933–2017), а также сборник стихов современных таджикских авторов, посвящённый двадцатилетию независимости республики и получивший название “Эъҷози Раҳмон” («Чудо Рахмона»). В последнем представлены произведения 148 поэтов.

Раздел 2.3 посвящён научным публикациям, приуроченным к 1100-летию государства Саманидов. Для исследования с позиций *memory studies* были выбраны наиболее показательные работы второй половины 1990-х гг.: монография С. Абдуллоева “Амир Исмоили Сомонӣ” («Эмир Исмаил Самани»), монография А. Мухторова “Амирон ва вазирони Сомонӣ” («Саманидские эмиры и вазирь»), издание «История таджикского народа» под редакцией Н. Н. Негматова (ответственный редактор Р. М. Масов) и работа Н. Н. Негматова “Давлати тоҷикбунёди Сомониён” («Таджикское государство Саманидов»).

Глава 3 «Образы эпохи Саманидов в жизни граждан постсоветского Таджикистана» состоит из трёх разделов.

Раздел 3.1 посвящён сомони - валюте постсоветского Таджикистана, а также символике её оформления. Отдельно рассматриваются персоны, изображённые на банкнотах: поэт Абу Абдаллах Рудаки, врач и философ Абу Али ибн Сина. Описываются проблемы и противоречия при введении этих банкнот, приводится реакция информантов на новую валюту.

В *Разделе 3.2* исследуются представления о прошлом в школьном образовании постсоветского Таджикистана. Главным образом этот раздел посвящён школьным учебникам отечественной и всемирной истории, изданным в Таджикистане после 2000 г. Изучены следующие пособия, приобретённые нами в Таджикистане: “Таърихи қадими халқи тоҷик” («Древняя история таджикского народа») для 5-го класса, “Таърихи халқи тоҷик (ибтидои асрҳои миёна)” («История таджикского народа (начало средних веков)» для 6-го класса, “Таърихи умумӣ: Таърихи асрҳои миёна” («Всеобщая история: История средних веков») для 6-го класса, “Таърихи халқи тоҷик” («История таджикского народа») для 7-го класса. В качестве дополнительной иллюстрации мы воспользовались одним учебником истории для вузов, а также поинтересовались представлениями о прошлом как у постсоветских школьников, выпускников и студентов, так и у представителей более старшего поколения, связанных с системой науки и образования

страны.

Раздел 3.3 посвящён образам эпохи Саманидов в музейных экспозициях Таджикистана. Материал для этого раздела был собран в ходе посещения Национального музея Таджикистана в Душанбе, Республиканского историко-краеведческого музея имени Абу Абдаллаха Рудаки в Пенджикенте и музея при мавзолее Рудаки в селе Панджруд. В разделе рассматриваются представленные в них экспозиции и делается попытка осмыслить их роль в исторической политике государства и исторической памяти его граждан.

В *Заключении* подводятся итоги и формулируются выводы.

Проблемы исторической памяти играют важную роль в жизни постсоветского Таджикистана. Память об эпохе Саманидов является значимым элементом исторической политики страны и занимает заметное место в процессе нациестроительства и формирования национальной идентичности. Можно говорить и о том, что эпоха Саманидов в сегодняшнем Таджикистане представляет собой одну из частей более масштабной исторической триады, включающей также образы зороастрийской культуры и арийской древности.

Мероприятия, направленные на увековечивание памяти об эпохе Саманидов и формирование максимально положительного образа эмира Исмаила Самани, во многом являются инициативой президента республики Эмомали Рахмона. Таким образом, выбор именно этой эпохи и исторического деятеля в качестве новых национальных символов, на наш взгляд, в значительной степени обусловлен человеческим фактором и личностью самого лидера нации. В случае прихода к власти по результатам гражданской войны 1992–1997 гг. сил, противостоявших Э. Рахмону и опиравшихся на ислам, культурная политика современного Таджикистана с большой вероятностью могла бы оказаться в корне отличной от нынешней. Это касается не только популяризации наследия Саманидов, но и других частей триады: образов арийской древности и, безусловно, зороастризма.

Существует несколько причин, по которым именно эпоха Саманидов была избрана для популяризации в независимом Таджикистане. Среди них - иранское происхождение династии Саманидов (в противовес пришедшим им на смену тюркским и впоследствии монгольским династиям); сложение в этот период литературного персидского языка (фактор, выделяющий Таджикистан среди тюркоязычных стран Центральной Азии); позиционирование государства Саманидов как первого национального государства

таджиков, а эпохи Саманидов - как времени завершения формирования таджикского народа; возможность проведения параллелей между эмиром Исмаилом Самани и президентом Эмомали Рахмоном (смуты в государстве Саманидов - гражданская война в Таджикистане 1992–1997 г.); возможность противопоставления образа Исмаила Самани и культуры Саманидов образу эмира Тимура (XIV–XV вв.) и культуре Тимуридов, популяризируемым в постсоветском Узбекистане.

Для торжественных речей президента Эмомали Рахмона и официального государственного дискурса после 1991 г. характерно: представление истории таджикского народа как максимально древней; сосредоточение на этнической истории, а не истории территории страны в сегодняшних границах; уделение особого внимания доисламскому периоду и временам древних ариев в сочетании с более сдержанным описанием роли ислама; включение легендарных общеиранских героев в исторический нарратив; отношение к истории Саманидов как к ценному источнику опыта, в том числе в деле государственного управления; проведение параллелей между Саманидами и иранской династией Сасанидов (III–VII вв.), обращение к понятию «таджикского возрождения» (*тоҷик эҳд*) или «возрождения Аджам» (*эҳди Аҷам*). Государство Саманидов, обособившееся от Аббасидского халифата, сопоставляется с постсоветским Таджикистаном, обретшем независимость в 1991 г.

Можно говорить о ряде тенденций, свойственных постсоветским историческим работам о Саманидах. Среди них: внимание к личности Исмаила Самани и описание человеческих качеств эмира в безусловно положительном ключе; подчёркивание роли зороастрийского культурного наследия; сжатое описание арабского завоевания Центральной Азии; возведение рода Саманидов напрямую к иранской династии Сасанидов. Если пассажи об общественной жизни, сельском хозяйстве, ремесле и т. п. в государстве Саманидов в целом основываются на советских книгах (отсюда проскальзывающие в них марксистские термины), то новые, написанные после 1991 г. главы о месте и роли государства Саманидов в мировой культуре изобилуют современными, даже новаторскими терминами и понятиями. Повествование становится менее нейтральным стилистически и более торжественным, а рассмотренные проблемы приближаются к области историософии.

Основные черты рассмотренных в работе поэтических произведений: отсылки к жанрам классической персидской поэзии, восходящим к эпохе Саманидов; использование средневековых образов; уподобление Эмомали Рахмона эмиру Исмаилу

Самани и изображение его наследником и преемником династии. Подчёркивается миролюбие эмира Исмаила, забота о безопасности и покое народа (мотив стены Бухары). Власть может связываться с божественной избранностью, однако Бог называется не Аллахом, а иранскими словами *Яздон* и *худо*; используется уходящий корнями в зороастрийскую древность образ *фарра*. Романтизируются образы утраченных территорий: Самарканда и Бухары. Период правления неиранских династий описывается как тёмные века. Характерны также отсылки к определённым фигурам эпохи Саманидов (Ибн Сина, Рудаки).

Для школьной программы по истории в постсоветском Таджикистане характерны существенные изменения по сравнению с советской. Значительно смещены акценты: с изучения всемирной истории на изучение истории таджикского народа. Изменилось отношение школьников и выпускников к конкретным историческим фигурам. Интересна тенденция связывать героев средневековья с современными нациями: Исмаила Самани учащиеся уверенно называют таджиком, а эмира Тимура - узбеком. Изменена пропорциональность в темах уроков: эпохе Саманидов в постсоветских учебниках стало уделяться намного больше внимания. Для новых учебников характерно возросшее внимание к иранской мифологии, археологии, доисламской культуре и зороастризму, переплетение в повествовании исторического и легендарного.

Для иконографии эмира Исмаила Самани в постсоветский период характерно преобладание образа мирного создателя и рачительного хозяина (*кадхудо*), нежели воина. Основные тенденции: изображение эмира без оружия, пешим, в длинных одеждах, не предназначенных для езды верхом и сражений, в короне, с открытыми руками либо держащим скипетр или свиток. Налицо заметная трансформация художественного канона и почти полное вытеснение советского образа Исмаила-воителя современным образом заботливого старосты. Впрочем, следует помнить, что и тот, и другой образ являются поздней реконструкцией. Во времена самого Исмаила традиции создавать портреты правителей не существовало в связи с исламским запретом на изображение людей. Описания же эмира в источниках сосредоточены преимущественно на его характере и поступках, а не внешнем облике.

Основные черты эмира Исмаила Самани в трудах постсоветских авторов и речах представителей власти: миролюбие, гуманность, терпимость, рассудительность, справедливость. В качестве приоритетов правления эмира называют спокойствие, безопасность, стабильность и благоустроенность государства, а также единство народа.

Эмир показывается хоть и формально мусульманином, но светским по образу мысли человеком и правителем. Он может сравниваться с прославившимся своей справедливостью сасанидским шахиншахом Хосровом I Ануширваном (501–579), одним из последних правителей доисламского Ирана. Борьба внутри династии и войны Исмаила с кочевниками называются вынужденными и временными мерами. При описании эмира нередко проводятся параллели с Эмомали Рахмоном, одержавшим верх в гражданской войне и примирившим регионы Таджикистана, установившим в государстве мир и относительную стабильность и, наконец, лишившим политических полномочий своих оппонентов, опиравшихся на исламскую идеологию. Если притчи о великодушии и милосердии эмира Исмаила восходят ещё к средневековым источникам, близким ему по времени (сочинения Наршахи, Гардизи, “Сиясат-наме”), то другие черты, придаваемые сегодня Исмаилу, имеют современное происхождение (светские взгляды, отсутствие ярко выраженной религиозности). Эти характеристики перекликаются с современным курсом Таджикистана, имеющим ярко выраженный секулярный характер. Таким образом делается попытка найти сегодняшние ценности в былых эпохах либо спроецировать их на былые эпохи.

Характеризуя времена эмира Исмаила как эпоху покоя, авторы, сознательно или неосознанно, продолжают развивать гораздо более древний взгляд на идеального иранского правителя, восходящий ещё к Авесте. Подчёркнутая ценность безмятежности и отсутствия волнений может быть соотнесена с зороастрийским представлением о правильном мироустройстве.

Исмаил Самани не стал единственным героем современного Таджикистана. Отвечая на вопрос об исторических фигурах, вызывающих гордость лично у них, информанты указывают и другие имена. Называются, например, имена Темурмалика, сопротивлявшегося монгольским завоевателям в XIII в., писателя XX в. и основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни (1878–1954), поэта IX–X вв. Абу Абдаллаха Рудаки, заложившего основы персидской словесности, эпических героев Рустама и Сухраба, а также афганского полевого командира и политика таджикского происхождения Ахмад Шаха Масуда (1953–2001). Были выявлены и региональные закономерности. Например, жители Согдийской области на севере страны вспоминают согдийца Спитамена, боровшегося с войсками Александра Македонского в IV в. до н. э., правителя Пенджикента Деваштича, побеждённого арабскими завоевателями в VIII в., и поэта XX в. Лоика Шерали. На юге страны

популярен образ эпического героя Сиявуша. Также можно говорить о возрастных различиях. Старшее поколение называет имя Восе (XIX в.), предводителя неудавшегося крестьянского восстания в Бухарском эмирате, ставшего героем таджикского фольклора. У школьников и студентов этот персонаж не столь популярен. Популяризация образа эмира Исмаила Самани оказалась достаточно успешной с точки зрения осведомлённости населения об этом историческом лице и его узнаваемости. Однако предпринятые меры не обеспечили эмиру Исмаилу исключительного положения единственного национального символа. Эмир Исмаил возглавляет, пусть и с отрывом, целую плеяду фигур как недавнего, так и далёкого и легендарного прошлого.

Признавая значительные успехи исторической политики Таджикистана, связанной с эпохой Саманидов (а вместе с ней и доисламской древности и зороастризма), стоит подчеркнуть, что в таджикском обществе сегодня может существовать более одной определяющей тенденции. Несмотря на ярко выраженный секулярный характер этой политики, важную роль в жизни большей части граждан продолжает играть мусульманская идентичность. Изучая реакции молодых пользователей соцсетей на возведение памятников Исмаилу Самани, мы сталкивались как с воодушевлением и позитивными высказываниями светского характера, так и с критикой этих памятников через призму религии: часть пользователей называла памятники идолопоклонством (*бутпарастӣ*) и *ширк*ом. Можно говорить даже об усилении популярности ислама в обществе несмотря на официальный курс государства.

Проблемы исторической памяти в постсоветском Таджикистане могут служить хорошей иллюстрацией концепций британского исторического социолога Энтони Д. Смита (1939–2016), сторонника этносимволистского подхода к феноменам нации и национализма. В своих работах Э. Д. Смит не только критиковал и отвергал примордиалистский подход, но и бросал вызов инструментализму и конструктивизму, пересматривая некоторые из их положений. Э. Д. Смит придавал большое значение исторической памяти и так называемым «этническим мифам» как важным составляющим этничности. Все социальные и политические условия, при которых, по мысли Э. Смита, могут возникать подобные мифы (военный конфликт, стремительные общественные и политические перемены, секуляризация, разрыв между традиционной культурой и модернизацией, нарушение экономической изоляции и установление связей с более развитыми в экономическом отношении странами), наблюдаются нами в постсоветском Таджикистане.

В рассматриваемой ситуации можно найти и отдельные компоненты этнических мифов, о которых пишет Э. Смит. Так, в роли «золотого века» здесь выступает эпоха Саманидов (IX–X вв.), в роли «героя» - эмир Исмаил Самани (правил в 892–907 гг.), а в роли «священных территорий» - города Бухара и Самарканд. В числе конкретных коммеморативных практик можно назвать празднования 1100-летия государства Саманидов в 1999 г., Года арийской цивилизации в 2006 г., Года Рудаки в 2008 г.

На материале Таджикистана можно обнаружить и иллюстрацию к идее Э. Смита о «возрождении» и «восстановлении золотого века». Эта идея, как нам представляется, полностью отражает понятие «таджикского возрождения» (*тоҷик эҳё*) или «возрождения Аджамы» (*эҳёи Аҷам*), которое широко используется в постсоветском Таджикистане как на государственном уровне, так и представителями науки и интеллигенции.

В *Приложении 1* приводится список информантов.

В *Приложении 2* помещены иллюстрации.

**Основные положения и выводы диссертационного исследования
представлены в следующих публикациях**

(общий авторский вклад - 5,35 а. л.):

Статьи, опубликованные в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования:

1. *Болашенкова Е. А.* «Золотой век» и национальные герои: историческая память и актуальность memory studies в постсоветском Таджикистане // Кунсткамера. 2023. № 3 (21). С. 70–81. (авт. вклад - 0,81 а. л.)
2. *Болашенкова Е. А.* Некоторые представления о прошлом в школьном образовании современного Таджикистана // Кунсткамера. 2024. № 3 (25). С. 207–223. (авт. вклад - 1,24 а. л.)
3. *Болашенкова Е. А.* Образы эпохи Саманидов (IX–X вв.) в текстах современных поэтов Таджикистана // Исторический бюллетень. 2025. № 7 (8). С. 179–189. (авт. вклад - 1,07 а. л.)

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов:

4. *Bolashenkova E. A. Faces on banknotes: Tajik Somoni as a Symbol of National Identity // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research. 2015. Vol 21. № 1. P. 29–40. (авт. вклад - 0,9 а. л., SCOPUS)*
5. *Болашенкова Е. А. Древняя история в школьных учебниках постсоветского Таджикистана // XXXII Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 300-летию СПбГУ. 26–28 апреля 2023 г.: Материалы конгресса. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2023. С. 177–179. (авт. вклад - 0,15 а. л.)*
6. *Болашенкова Е. А. Лица на банкнотах: символика оформления таджикской национальной валюты // Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация. СПб.: Алетейя, 2017. С. 230–237. (авт. вклад - 0,23 а. л.)*
7. *Болашенкова Е. А. Образ Исмаила Самани и его место в современном Таджикистане // Лавровский сборник. Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014–2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 387–391. (авт. вклад - 0,2 а. л.)*
8. *Болашенкова Е. А. Отсылки к эпохе Саманидов (IX–X вв.) в текстах современных таджикских поэтов // Азия и Африка. Наследие и современность: XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г.: Материалы конгресса. Т. I. СПб.: НП-Принт, 2017. С. 178–179. (авт. вклад - 0,15 а. л.)*
9. *Болашенкова Е. А. Эпоха и государство Саманидов (IX–X вв.) в представлениях современной таджикской власти // Лавровский сборник. Материалы XL Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. Этнология, история, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 309–318. (авт. вклад - 0,45 а. л.)*
10. *Болашенкова Е. А. Эпоха Саманидов (IX–X вв.) в музейных экспозициях Таджикистана (на примере Душанбе, Пенджикента и Панджруда) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: К 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г.: Материалы конгресса. Т. I. СПб.: НП-Принт, 2019. С. 277–281. (авт. вклад - 0,15 а. л.)*